

И. А. Лобакова

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия. irinairli@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ «ОБЫЧАЕ» ПЕРЕИМЕНОВАНИЯ ЦАРСКИХ НЕВЕСТ В КОНЦЕ XVI – XVII в.

Изучение именований царских невест в XVII в. позволяет установить, что нет ни достаточных данных об обязательной непрерывной традиции нового именования девиц, избранных царем в жены, о едином правиле при выборе имени, ни общего для всех объяснения причин его смены. Выявлено, кто из избранниц получил новое имя, факт смены которого не может быть объяснен принадлежностью девушки к неродовитой фамилии. Приведены материалы и предложен ряд объяснений имянаречениям царских невест.

Ключевые слова: имянаречение царских невест, проблема двуименности, Иван Грозный, Василий Шуйский

Впервые факт смены имени девицей, ставшей царской невестой, стал предметом размышлений, основанных на документальных материалах, в фундаментальном труде И. Е. Забелина «Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях» 1869 г. [Забелин]. Автор исследования посвятил третью главу описанию драматической ситуации переименований коломенской дворянки Марии Ивановны Хлоповой, выбранной на смотринах первым царем из новой династии Романовых Михаилом Федоровичем. Став в 1616 г. царской невестой, девушка получила имя первой жены Ивана Грозного Анастасии, двоюродной бабки Михаила, родство с которой, главным образом, и породило в историографии XVII в. идею об «особых» правах на престол представителей этой фамилии¹. После того как невеста была обвинена в неизлечимой болезни Салтыковыми, родней матери царя инокини Марфы (Ксении Ивановны Шестовой до пострига), которая не скрывала своего недовольства решением сына, царская избранница была сослана с родными в Тобольск и в документах уже значилась как Мария. Решение отца царя патриарха Филарета (в миру Федора Никитича Романова) вернуть ее после проведенного следствия в 1619–1621 гг., которое выявило интригу Салтыковых, привело к переводу Хлоповых в Нижний Новгород, при этом девушку в документах того времени вновь стали именовать Анастасией. Свадьба в 1623 г. так и не состоялась – царица-инокиня Марфа не простила опалы своих родственников из-за ссылки царской невесты, но эта семилетняя история переименований дала основания И. Е. Забелину сделать вывод, что Мария была первой невестой, после которой был *явлен обычай* наречения девиц царским именем.

Сразу признаем, что оба вывода историка, знатока традиций царского двора, оказались не вполне верными: Мария не была переименована первой и нет оснований утверждать, что подобный *обычай* имел обязательный характер. Дело осложняется тем, что в послемонгольское время существование двуименности (княжеского – династического и христианского имен) «позволяло примирить идею родовой преемственности с необходимостью давать каждому крещеному человеку имя того или иного святого» [Литвина, Успенский, 2019а, S. 110]) не прекратилась. Как было отмечено ведущими специалистами в области исторической антропоники А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенским, «светская христианская двуименность на Руси, когда человек в миру одновременно обладал двумя календарными именами, была явлением весьма долгоживущим и при этом в определенном смысле социально и гендерно нейтральным... При этом

¹ Так, в Хронографе в редакции 1617 г. появляется прямое утверждение, что царь Федор Иванович «благослови же и приказалъ быти по себѣ на престолѣ Московскаго государства Руския земли братаничу своему по матери Феодору Никитичю Романова, племяннику родному благовѣрныхъ царицы и великия княгини Анастасии, матери своя» (НИОР БАН. Архангельское собрание. С.139. Л. 426–426 об.).

среди носителей двуименности мы обнаруживаем бояр и подьячих, царей и кабальных холопов, князей и купцов, попов и ремесленников, княгинь и дворовых служанок, вдов и девиц» [Литвина, Успенский, 2019а, S. 108]. Однако, не располагая безусловными историческими данными об именовании/именованиях всех царских избранниц в XVI–XVII вв., мы понимаем некую условность понятия «новое имя». Появлялось ли оно в условиях смены статуса при наличии одного имени у невесты, или актуализировалось ее публичное имя, в ряде случаев утверждать затруднительно. Исследователи неоднократно отмечали, что если календарная связанность двух мужских имен (крестильного и публичного) представителей элитарных семей подтверждена десятками примеров, а отступления от нее весьма малочисленны, то с имянаречением женщин дело обстоит сложнее: гораздо меньше документов содержат сведения о женщинах, еще реже встречаются в источниках материалы, позволяющие предположить наличие у представительниц знатных семейств двуименности [Литвина, Успенский, 2018а; Литвина, Успенский, 2018б, с. 250–263; Литвина, Успенский, 2019б; Литвина, Успенский, 2019в]. Главным критерием при определении того, одно или два имени носил человек, стало «наличие письменного текста, где конкретное историческое лицо *напрямую названо* этим предполагаемым именем. Если такого текста в нашем распоряжении нет, мы можем говорить лишь об еще одном особо почитаемом небесном покровителе человека, но не о светской христианской двуименности как таковой» [Литвина, Успенский, 2022а, с. 149]. Одним из факторов, подтверждающих возможность наличия у женщины двух христианских имен (крестильного и публичного) и установления, какое из них она получила при рождении, может стать наречение ее при постриге (как правило, эти имена в интересующий нас исторический период совпадают по первой букве [Успенский, Успенский, с. 100–104]).

Задача настоящей статьи – попытаться выяснить, кто из царских невест в XVII в. получил «новое имя», определить возможные причины появления нового именования и прояснить, существуют ли какие-либо факты, которые позволяют предположить наличие новых имянаречений царских избранниц в последней трети XVI в.

Согласно сохранившимся свидетельствам, первой, став невестой государя, получила новое имя княжна Екатерина Петровна Буйносова-Ростовская, на которой, уже будучи царем, в январе 1608 г. женился Василий Иванович Шуйский. Как царица она стала именоваться Марией². Причины такого переименования в данном случае не вполне очевидны. Если Мария Хлопова знатностью не отличалась и превращение ее в Анастасию связывалось, как правило, с этим фактом, то не мог не возникнуть вопрос, почему пришлось сменить имя Рюриковне Екатерине, не уступавшей родовитостью Шуйским. Данная проблема уже ставилась исследователями [Успенский, Успенский, с. 109–110; Литвина, Успенский, 2018б, с. 261]. Согласно мнению авторов, основанному на привлечении документальных свидетельств, имя Екатерина было крестильным именем княжны, а Мария стало династическим, что подтверждается ее иноческим именем Елена (оно по первой букве совпадает с крестильным). Как отмечали А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский, «было ли это имя для нее совершенно новым и каков вообще мог быть статус некрестильного имени у замужней женщины, нуждается в отдельном рассмотрении» [Литвина, Успенский, 2018б, с. 263]. Почему оказалось необходимым именовать княжну Екатерину Марией? Да, безусловно, имя Мария можно было бы назвать «царским» (так была названа при крещении вторая жена Ивана Грозного черкасская княжна Кученей, которую крестили и стали

² В. Н. Козляков в монографии, посвященной царю Василию Шуйскому, повторил мысль И. Е. Забелина об «обычае» переименований царских невест, когда коснулся обстоятельств женитьбы на Екатерине, ставшей Марией, «следуя *обычной традиции менять имена царским невестам* (выделено мной. – И. Л.)» [Козляков, с. 144]. Вопрос о причинах переименования княжны Буйносовой-Ростовской был затронут в статье [Лобакова, 2014, с. 104].

именовать Марией Темрюковной; это же имя носили и его последняя жена Мария Федоровна Нагая, а также жена первого избранного на Руси царя Бориса Годунова – Мария Григорьевна). Однако такое объяснение затруднительно считать исчерпывающим. Кроме того, как представляется, имя Мария для невесты царя оказалось предпочтительнее крестильного еще и потому, что жена его родного брата и, что еще важнее, его официального наследника Дмитрия Ивановича также носила имя Екатерина³. Таким образом, Екатерина Шуйская в ближнем кругу царя уже имела. Хотя известно немало случаев, когда дети в семье получали одинаково звучащее имя (в том числе и в великокняжеской фамилии), которое отражало приверженность к предпочтительным для данного рода именам [Литвина, Успенский, 2019а, S. 110–111], но его носили *разные* святые, а потому имена не воспринимались как одинаковые: у каждого был собственный небесный покровитель. Но в случае с Екатеринами Шуйскими дело обстояло иначе: святая Екатерина Александрийская была в то время единственной святой с этим именем, то есть имя оказалось буквально одним и тем же⁴. Безусловно, данный фактор мог учитываться в том случае, если люди были связаны кровным родством, однако в семье человека, который стал царем на весьма шатких основаниях, не обладал широкой поддержкой современников и ближайшая родня которого не пользовалась популярностью, как представляется, было важно дистанцироваться от наименее авторитетной части своего семейства. Кроме этого, супружеская пара наследников – князь Дмитрий Иванович и Екатерина – не имела детей, а бездетность вплоть до XIX в. воспринималась как наказание, виновницей которого считали женщину. Возможно, даже если роль суеверий во времена исторических потрясений несколько преувеличена, нельзя отрицать вероятность еще одной причины для переименования (или актуализации) публичного имени царской избранницы: Екатерина Шуйская не родила мужу Дмитрию Ивановичу сына, а Мария Шуйская окажется способной подарить наследника новой царской фамилии. Этим надеждам не суждено было оправдаться: царица Мария Петровна не смогла стать матерью царевича – продолжателя династии, а после насильственного сведения с престола мужа была пострижена в монахини⁵.

Отметим: нет оснований полагать, что обычай переименования девушек, выбранных в жены царю, существовал: далеко не все царские невесты в XVII в. получали новое имя. С другой стороны, нельзя безоговорочно исключить возможности ни того, что не сохранились сведения об их двуименности, ни того, что у них было единственное имя.

³ Знаменательно, что ее имя в исторической памяти не задержалось: так, в «Писании о преставлении и о погребении князя Михаила Васильевича, рекомого Скопина», которое было создано не позднее 1612 г., Екатерине дано имя ее родной сестры Годуновой – Мария и подчеркнуто, что она – дочь Малюты Скуратова (Повесть о преставлении и погребении князя Михаила Скопина-Шуйского (подгот. текста, пер. и коммент. Н. С. Демковой) // БЛДР. СПб., 2006. Т. 14. С. 134–149, 686–690). В рассказе об убийстве полководца в Псковской Первой летописи, восходящей к своду 1460-х гг., старший список которой (Синодальный) датируется 1480-ми гг., в публикации Прибавлений по списку Оболенского 1650-х гг. (более позднего источника) переписчик назвал жену наследника – убийцу князя Михаила Васильевича – Христиной (Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 124–126). Необходимо заметить, что князь Д. И. Шуйский и его жена Екатерина не только не пользовались популярностью у современников, но именно с их именами народная молва упорно связывала отравление в апреле 1610 г. 23-летнего князя М. В. Скопина-Шуйского, талантливого полководца, славе которого они завидовали и возможной утраты своего статуса наследников престола в пользу чрезвычайно известного воеводы опасались. Исторические свидетельства популярности М. В. Скопина-Шуйского в различных слоях общества того времени были отмечены историками [Богданов; Каргалов, с. 80–140]. Вопросы об отравлении князя М. В. Скопина-Шуйского, о составе яда и отражении этого события в литературном произведении рассмотрены в специальной работе [Лобакова, 2022].

⁴ Были отмечены случаи, когда в одной семье старший брат мог иметь два имени, при этом по своему династическому оказывался тезкой младшего, у которого было только одно имя, крестильное, совпадающее с династическим именем старшего брата [Литвина, Успенский, 2019а, S. 112–114].

⁵ Обстоятельства получения иноческого имени царем Василием по первой букве династического, а не крестильного рассмотрены в специальном исследовании [Литвина, Успенский, 2021]. Документ о судьбе царицы Марии Петровны после пострига, связанные с судебным разбирательством о «расхищении царских сокровищ», были опубликованы в специальной работе [Савелов].

В серьезном исследовании Рассела Э. Мартина был привлечен полный корпус известных к настоящему времени документальных свидетельств обо всех этапах царских бракосочетаний (от подготовки смотрин, росписей родственных связей участниц⁶ до описания свадебных торжеств с их чинами и разрядами, ритуальными шествиями, пирами, свадебными банями, обменом дарами и другими событиями). Исследователь попытался доказать, что обычай смотра невест, главная роль в отборе которых принадлежала представителям боярских родов и их женам, несовместим с автократией и деспотией⁷. Не обращаясь к проблемам исторической антропологии⁸, автор предложил свое истолкование перемены имени царскими невестами: «Эти женщины дважды за свою жизнь меняли идентичность – превращаясь из дочерей придворного в царицу, из царицы в инокиню. И о каждой такой смене сигнализировало новое имя (а значит, и новый святой покровитель и день именин)» [Мартин, с. 31].

Обратимся к историческим фактам. Первая жена царя Михаила Федоровича, княжна Мария Владимировна Долгорукая, заболевшая сразу после свадьбы и умершая пять месяцев спустя, сохранила собственное имя⁹. Во Вкладной и кормовой книге Ростовского Борисоглебского монастыря отмечено: «Лѣта 7133-го месяца генваря в 7 день далъ государь царь и великий князь Михайло Федоровичъ въсяе Росии по своей благовѣрной царице и великой княгинѣ Марье Володимеровнѣ 40 рублевъ денегъ. И за ту дачю на еѣ преставление месяца генваря въ 7 день понахида пѣти и обѣдня служити соборомъ и братию корѣмити кормъ болшей» (Тит. 4520. Л. 7–7 об.)¹⁰. Вторая его жена, дочь калужского дворянина Евдокия Лукьяновна Стрешнева, из-за «худости» своего рода даже не была допущена к смотринам и смогла присутствовать на них лишь в качестве одной из подружек княжны Ирины, дочери князя Григория Константиновича Волконского. Однако став царской избранницей, Стрешнева оставалась Евдокией.

Сохранили свои имена, став царскими невестами, и обе жены царя Алексея Михайловича. Первая из них, Мария Ильинична Милославская, принадлежала к роду, который возводился к знатному выходцу из Литвы, прибывшему на Русь в свите Софьи Витовтовны в 1392 г. Второй женой царя стала Наталья Кирилловна Нарышкина, девушка из семьи мелкопоместного дворянина, родня которого никогда не занимала высоких должностей, но тем не менее и ее имя осталось прежним.

Со смоленским дворянством было связано семейство жены царя Федора Алексеевича Агафьи Семеновны Грушецкой. Вопрос о ее возможном переименовании был поставлен А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенским в специальной работе [Литвина, Успенский, 2018в]. Дело в том, что она

⁶ В том числе генеалогических связей боярских и дворянских служилых родов по женской линии, что очень редко отмечается в родословных книгах и родословцах, а потому является чрезвычайно существенным новым материалом, введенным в научный оборот.

⁷ Трудно не согласиться с тем, что выбор невесты для государя был призван минимизировать нарушение равновесия среди боярских родов при дворе (как, впрочем, и в любом европейском государстве вопрос о династических браках решался с тех же позиций: учитывались связи представителей основных политических групп с интересами государств возможных претенденток на корону). При этом предпочтение отдавалось красивым, здоровым, но не принадлежащим к царскому двору девушкам. Однако представляется доказанным, что роль боярского окружения возрастала при слабом государе и снижалась в условиях сильной фигуры на троне [Павлов; Шмидт]. При Иване Грозном вопрос взаимоотношений государя с боярскими родами решался с иных, гораздо более радикальных позиций, о чем свидетельствуют многочисленные списки синодиков Ивана Грозного [Веселовский].

⁸ В его монографии нет ссылок на исследования ведущих специалистов в этой области А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенского.

⁹ Жизнь первой жены царя Михаила Федоровича стала предметом отдельного исследования [Милорадович]. Там же опубликована роспись царского свадебного чина.

¹⁰ Вкладная и кормовая книга Ростовского Борисоглебского монастыря была опубликована в XIX в. с большим количеством опечаток, ошибочных прочтений и пропусков (Титов А. А. Вкладные и кормовые книги Ростовского Борисоглебского монастыря в XV, XVI, XVII и XVIII столетиях. Ярославль, 1881). Как было установлено, она дошла в двух списках: ОР РНБ. Собрание А. А. Титова. № 4520 (далее – Тит. 4520), первая тетрадь которой датируется 1580-ми гг. (впоследствии рукопись дополнялась более поздними записями), и ОР РНБ. Собрание А. А. Титова. № 4904 (далее – Тит. 4904), 1680-е гг.; оба списка восходят к общему источнику, который более поздний список сокращал и редактировал [Стрельников].

названа в нескольких современных событиях источниках Евфимией. В связи с тем, что девушка была из смоленских дворян польского происхождения, выдвигалась гипотеза, что царская невеста получила новое имя, поскольку должна была перейти из католичества в православие. Это предположение авторами статьи после рассмотрения имеющихся фактов было отвергнуто. Как отмечено в работе, никаких документальных свидетельств этому нет. Равно как нет и упоминаний о том, что перед смертью 18-летней царица приняла постриг. Однако ученые выявили, что после смерти Агафья поминалась 11 июля (на святую Евфимию Халкидонскую), в то время как умерла она 14 июля (день, в который церковью поминаются деспотисса Сербская Агриппина и Матрона Хиосская). Подчеркнув, что известные даты поминовений цариц совпадают с их крестильными именами, А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский выдвинули гипотезу, что девушка носила имя Евфимия, а Агафьей ее нарекли, когда она стала царской невестой. При этом важно, что ученые не попытались настаивать на своем предположении, заметив, что «загадки требуют, с одной стороны, сугубо индивидуальных разысканий и решений, а с другой, за ними могут стоять некоторые общие правила и тенденции» [Литвина, Успенский, 2018в, с. 293]. После смерти жены и пережившего ее на неделю родившегося наследника престола Ильи Федоровича царь был вынужден вступить во второй брак. Его избранница боярышня Марфа Матвеевна Апраксина, по сути так и оставшаяся царской невестой, сохранила собственное имя.

А вот с именами отцов избранниц его младших братьев-соправителей – Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича – в конце XVII в. произошли изменения. На обширном документальном материале А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский продемонстрировали, что появление отчества Федоровна у жены Ивана Алексеевича Прасковьи, дочери Александра Петровича Салтыкова, стало не результатом переименования царского тестя, а оказалось связано с актуализацией его крестильного имени Феодор, которое упоминалось в привлеченных исследователями документах [Литвина, Успенский, 2022б, S. 68–72]. У отца Евдокии Лопухиной Иллариона Абрамовича, как показали исследователи, имена Ларион/Ларивон и Феодор могли варьироваться еще до замужества дочери. Но поскольку помета «прозвище» сопровождала первое из них, то не остается «сомнений в том, что оно-то и являлось публичным, некрестильным, тогда как в крещении интересующий нас представитель рода Лопухиных был *Феодором*» [Литвина, Успенский, 2022б, S. 73]. Согласно выводу исследователей, после воцарения Романовых публичное имя стало и крестильным, которое выбиралось из круга имен, достаточно близких к дате рождения ребенка. По этой причине крестильные имена царских тестей «обреки несвойственные им функции, но и самая идея двуименности этих людей упразднялась – насколько мы можем судить по дошедшим до нас памятникам, их старые публичные имена (Александр и Илларион) из какого-либо письменного оборота были изъяты целиком и полностью» [Литвина, Успенский, 2022б, S. 86].

Таким образом, нет возможности говорить о существовании непрерывной *традиции* переименования девиц, ставших царскими невестами.

Необходимо подчеркнуть, что ученые последовательны в стремлении к корректности своих выводов. Так, например, ими было установлено, что царица Ирина Федоровна Годунова была названа в честь святой Ирины Иллирийской, поминаемой вместе с Агапией и Хеонией 16 апреля. При этом факт упоминания в связи с именем жены Федора Ивановича великомученицы Ирины и Ирины Эфесской объясняется тем, что «все святые, носившие одно и то же имя, в принципе могли считаться покровителями человека, получившего это имя» [Успенский, Успенский, с. 98]¹¹. А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский привели данные об особом почитании ца-

¹¹ Как еще одно подтверждение этого вывода можно рассматривать запись во Вкладной и кормовой книге Ростовского Борисоглебского монастыря о вкладе в 100 рублей царя Бориса Годунова: «по государыне по царице и великой княгине иноке Александре Феодоровне всея Руси на *ея* память и преставление *сентября* в 27 день

рицей Фотинии Самаряныни (в описи хранившихся в ее келье 142 икон имеется запись о наличии изображения парных святых: Ермия – святого, в день памяти которого родился царь Федор, – и Фотинии), но, как было подчеркнуто исследователями, этот факт не дает оснований считать, что у царицы было второе имя [Литвина, Успенский, 2019в]. Вполне возможно, что у нее, так же как у Федора Ивановича, было только одно имя – крестильное, а почитание святой, с днем которой было связано ее появление на свет, возможно и в ситуации одноименности [Литвина, Успенский, 2019а, S. 119–126]. Исследователи пришли к выводу, что «последним Рюриковичам московского дома полагалось по крайней мере два личных небесных покровителя, а то и два христианских имени. По-видимому, в эту эпоху женщины, входившие в царскую семью по браку, также приобщались к этой модели – им необходимо было чтить двух своих небесных заступниц, даже если до замужества тезоименитая покровительница у них была одна» [Литвина, Успенский, 2022а, с. 172]. Иноческое имя Ирины – Александра – не противоречило традиции именования по первой букве крестильного имени: царицу в обиходе вполне могли называть Ариной (именно в таком написании имя встречается в московских деловых документах этого времени). Добавим, что А. К. Толстой в трагедии «Царь Федор Иоаннович» именно такой вариант обиходного имени вкладывает в уста своего героя: «Аринушка», в то время как брат царицы Борис называет ее Ириной, что, конечно, является как дополнительной чертой в характеристике персонажей, так и свидетельством о сохранении существовавшей московской традиции вплоть до второй половины XIX в.

Таким образом, как мы видим, рассмотренные факты переименования царских невест позволяют прийти к следующим выводам: нет ни обязательности нового имянаречения, ни единого правила при выборе имени, ни общего объяснения причин его смены.

Безусловным, как свидетельствует наш материал, является тот факт, что переименования оказались никак не связаны со знатностью или отсутствием родовитости девицы (среди переименованных есть и Рюриковна Екатерина Буйносова, и «худородная» Хлопова; среди тех, кто сохранил собственное, – и родовитая княжна Долгорукая, и дочь малоземельного дворянина Стрешнева). Даже если принять во внимание точку зрения Рассела Э. Мартина о равнодушии при избрании царской невесты к такому существенному качеству, как ее знатность¹², то сложно игнорировать существовавший «разброс» в происхождении царских избранниц на протяжении XVI–XVII вв.

Достоверных сведений о женской двуименности во второй половине XVI в., в эпоху Ивана Грозного, еще меньше, чем в XVII столетии. Можем отметить лишь некоторые факты, которые, как думается, позволяют судить о возможных соотношениях крестильного и публичного («царского») имен женщин из семьи Ивана Грозного и его сына Ивана Ивановича.

Первый в этом ряду факт связан с четвертой женой Ивана Грозного Анной Алексеевной Колтовской. Приходится признать, что об отчестве царицы единого мнения не было: не отвергалась возможность того, что она была дочерью младшего из братьев Колтовских Ивана (такое утверждение читается в Новом летописце). Женой царя она была всего четыре месяца, пострижена в сентябре 1572 г. с именем Дарья¹³, которое, как видим, начинается не с ожидае-

понахида пѣти и обѣдни служити, и братию кормити кормъ болшей» (Тит. 4520. Л. 3 об.). Как известно, Ирина Годунова умерла 29 октября. В списке 1680-х гг. Вкладной и кормовой книги Ростовского Борисоглебского монастыря (Тит. 4904), восходящей к общему источнику с предыдущей [Стрельников], указан другой день памяти – 30 сентября. Обе даты поминовения царицы-иноки оказываются по дате ближе к памяти Ирины Египетской.

¹² Глава II его монографии так и названа: «Не взирая на благородство или кровь» [Мартин, с. 22–28].

¹³ Сохранилось достаточно документальных свидетельств о связях царских семей с Анной Колтовской. Ожалованья ей и монастырям, где она пребывала (Горицкому Воскресенскому, а позже – Тихвинскому Введенскому), царей Федора Ивановича, Бориса Годунова, Василия Шуйского и Михаила Федоровича свидетельствуют документы, ссылки на которые приведены в специальной статье [Муштафаров].

мой буквы «А». Нужно принять во внимание, что царицу-иноку почитали как местнотимую святую в Тихвинском Введенском монастыре, который она восстановила после Смуты [Муштафаров, с. 200–201], и поминали как в день смерти 5 апреля, так и 19 марта – *ее именин* (память святой Дарьи Римской). Это дает возможность предположить, что Дарья было ее крестильным именем, Анна – публичным (царским), а при постриге она могла получила имя в честь небесной покровительницы с тем же именем и близкой датой памяти. Так, 23 марта поминают Дарью, одну из пяти дев, тайно хоронивших христианских мучеников, к которым присоединилась Дросида. Как кажется, данное предположение позволяет снять вопрос о несовпадении имени монашеского с крестильным у царицы Анны. Нельзя также исключить, что имя Дарья было решено дать ей по выбору игуменьи¹⁴.

О пятой жене царя Ивана Грозного Анне Григорьевне Васильчиковой известно значительно меньше, чем о ее предшественнице: через полгода после свадьбы она была сослана в монастырь, пострижена, но под каким именем, до сих пор остается неизвестным. Однако в отличие от большинства синодиков, где имени этой царицы в числе поминаемых жен Ивана Грозного не содержится, в уже указанных списках Вкладных и кормовых книг Ростовского Борисоглебского монастыря содержатся записи 1580-х гг. с полной официальной титулатурой пятой жены царя и указанием на ее небесную покровительницу: «Даль государь царь и великий князь Иванъ Васильевичъ всеа Русии по *своей царице и великой княгине* Анне Васильчикове 50 рублевъ. И за ту дачу по Анне Васильчикове на *ея память* декабря в 9 день понахида пѣти и обѣдни служити собором и братью кормити» (Тит. 4520. Л. 4)¹⁵. На 9 декабря приходится праздник Зачатия Анной Богоматери – «Анна зимняя», который совпадал с днем памяти пророчицы Анны, матери пророка Самуила. Одна из этих святых была, судя по записи во Вкладной книге, небесной покровительницей Анны Васильчиковой¹⁶. Ее официальный статус подтверждается еще раз в той части рукописи, которая посвящена «братским кормам» (Тит. 4520. Л. 131 об.), где день 8 декабря отмечен сообщением о панихиде по царице Марфе Собакиной и «по *царице* Анне Васильчикове братию кормити»¹⁷.

Начальные буквы крестильного и монашеского имен совпадают у двух невесток Ивана Грозного. Так, первая жена Ивана Ивановича Евдокия (Авдотья) Богдановна Сабурова, которая была избрана на смотринах царевичем, через год после свадьбы была пострижена в монахини с именем Александра по распоряжению свекра. Причиной было названо бесплодие царевны, что вряд ли можно считать убедительным объяснением: слишком невелика продолжительность брака для подобного вывода. Что в действительности привело к удалению Евдокии из семьи царевича Ивана, сказать сложно. Вероятно, принадлежность невестки к роду Сабуровых, из которого происходила первая жена отца царя Ивана Грозного Соломония Юрьевна, постриженная по причине ее бесплодия ради женитьбы Василия III на княжне Елене Глинской, матери Ивана IV, могла дать основания для подозрений в ее неспособности родить наследника царевичу.

Вторую жену царевича Ивана звали Пелагеей Михайловной Соловой. Будучи царевной, она именовалась Феодосией Михайловной. Женой царевича пребывала почти четыре года, не смогла родить наследника и также была отправлена в монастырь, где пострижена с именем

¹⁴ Как было показано на материале летописи, документов и житийных памятников, иноческое имя выбиралось не только на ту же букву, что и крестильное, но и по дате пострижения, по созвучию, по просторечной форме имени и по выбору игумена [Успенский, Успенский, с. 98–106].

¹⁵ Семантических расхождений с рукописью Тит. 4904 нет.

¹⁶ В этих Вкладных книгах есть записи о поминовении царицы Анастасии в день смерти (7 августа) и день памяти (29 октября – день Анастасии Римлянки младшей) и царицы Марии Темрюковны в день смерти (7 сентября) и день памяти (22 июня – день Марии Магдалины). По Марфе Собакиной был дан вклад 30 рублей «да золотой барбарьской» на службы в день ее преставления – 8 декабря (Тит. 4520. Л. 2–2 об.).

¹⁷ В рукописи Тит. 4904 была переписана только вкладная часть источника.

Прасковья [Успенский, Успенский, с. 110; Литвина, Успенский, 2018б, с. 261]. В Московском летописце, составленном в среде служилых людей или лиц духовного звания в 1635–1645 гг., дошедшем в списке 1690-х гг. [Солодкин], читается запись о том, что царевич Иван Иванович «женат тремя браки... 2 – царица Феодосья Михайлова, дочь Солововой с Резани, пострижена на Белеозере, во иноцех Парасковия»¹⁸, а под 1621 г. сообщается о смерти в монастыре «царицы Прасковьи Михайловны»¹⁹.

У третьей жены сына Ивана Грозного Елены Ивановны Шереметевой, потерявшей ребенка и оставшейся после гибели мужа вдовой, монашеское имя Леонида не совпадает по первой букве с крестильным. Предположение, что молодую царицу при постриге называли по первой букве уменьшительно-обиходного имени Лена, как представляется, не вполне убедительно: мы слишком мало знаем о формах внутрисемейных именовании того времени.

Список подобных несовпадений по первой букве крестильного и иноческого имен может быть расширен. Мать первого из Романовых на престоле Ксения Ивановна Шестова в иночестве получила имя Марфа, после избрания на царство ее сына Михаила носила титул «царица-инока Марфа», «великая инокиня Марфа», что подтверждает возможность исключений из сложившейся традиции. Как представляется, случай царевны Ксении Борисовны Годуновой, которая в монашеском постриге стала называться Ольгой, может быть отнесен к подобному исключению. Действительно, казалось бы, есть основание считать, что имя свое она получила по обиходному Оксинья [Успенский, Успенский, с. 136; Литвина, Успенский, 2018б, с. 250]. Но в таком случае придется признать, что в семье Годуновых сосуществовало параллельно оканье (Оксинья) и аканье (Арина). Если Ирину Годунову называли Ариной, велика вероятность того, что ее племянницу именовали Аксиньей в соответствии с московской диалектной нормой. Тем более что в Мазуринском летописце Исидора Сназина в перечне злодейств царя Бориса Годунова есть обвинение, что он «умори царевича, жениха дочери Аксиньи»²⁰.

Таким образом, как видим, хотя на некоторые вопросы можно дать достаточно определенные ответы, но по-прежнему остается значительной та область, в которой сохраняется лишь предположительный характер возможных решений (от вопроса о факте переименовании до предложенного объяснения причин получения нового имени).

Литература

- Богданов А. П. Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский. М., 1998. 28, [2] с.
Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. 539 с., 1 л. портр.
Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. СПб., 1869. 670 с.
Каргалов В. В. Русские воеводы XVI–XVII веков. М., 2002. 336 с.
Козляков В. Н. Василий Шуйский. М., 2007. (Жизнь замечательных людей. Вып. 1275 (1075)). 300, [1] с., [16] л. ил., портр.
Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Манифестация связи с правящим домом в женских именах: ранние Романовы и семья Дмитрия Годунова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 4 (74). С. 63–79. DOI 1025986/IRI.2018.74.4.006 [Литвина, Успенский, 2018а]
Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Монашеское имя и феномен светской христианской двуименности в допетровской Руси // Средневековая Русь. М., 2018. Вып. 13. С. 241–280. [Литвина, Успенский, 2018б]

¹⁸ ПСРА. М., 1978. Т. 34. С. 228.

¹⁹ Именование жены царя, сосланной в монастырь, по монашескому имени с отчеством [Успенский, Успенский, с. 138–140] встречаем в записи, выполненной профессиональной скорописью первой трети XVII в. по низу листа (Л. 1–6) в рукописи XVI в., содержащей Житие Зосимы и Савватия Соловецких (ОР РНБ. Основное собрание рукописной книги. Q.I.1456): «Книга государыни царицы иноки Дарьи (выделено мной. – И. Л.) Алексеевны». Очевидно, что рукопись принадлежала Анне (в монашестве Дарье) Алексеевне Колтовской.

²⁰ ПСРА. М., 1968. Т. 31. С. 147.

- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Об именах царицы Агафьи Симеоновны Грушецкой // У истоков и источников: На международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М., 2018. С. 292–303. [Литвина, Успенский, 2018в]
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Христианская двуименность на Руси: Этапы эволюции // Die Welt der Slaven. 2019. Jhrg. 64. Heft. 1. S. 108–127. [Литвина, Успенский, 2019а]
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Мужское vs женское в контексте светской христианской двуименности на Руси XVI–XVII вв. // Slověne. 2019. Т. 8. № 1. С. 133–161. DOI 10.31168/2305-6754.2019.8.1.5 [Литвина, Успенский, 2019б]
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. К уточнению имен и дат в семье царя Федора Ивановича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 1 (75). С. 61–66. DOI 10.25986/IRI.2019.75.1.0015 [Литвина, Успенский, 2019в]
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Два имени государя (Потапий Максимович Матвеев внук или Василий Иванович Шуйский) // Анатомия власти: государи и подданные в Средние века и Новое время. М., 2021. С. 120–134. DOI 10.17323/978-5-7598-2362-9120-134
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Годунов в кругу родни. Биографические разыскания. СПб., 2022. 224 с. [Литвина, Успенский, 2022а]
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Браки царей Ивана и Петра Алексеевичей и русская многоименность на пороге Нового времени // Dei Welt der Slaven. 2022. Jhrg. 67. Heft. 1. S. 68–90. DOI 10.13173/w5.67.1.068 [Литвина, Успенский, 2022б]
- Лобакова И. А. Исторические события и лица в Житии Иринарха Ростовского // ТОДРА. СПб., 2014. Т. 62. С. 193–120.
- Лобакова И. А. «Питие уготовано лютое...»: Из комментария к «Писанию о преставлении и о погребении князя Михаила Васильевича Шуйского, рекомого Скопина» // История и литература в контексте археологии. Новосибирск, 2022. С. 57–65.
- Мартин Р. Э. Невеста для царя. Смотры невест в контексте политической культуры Московии XVI–XVII веков. М., 2023. 408 с.
- Милорадович А. А. Царица Мария Владимировна // Русский архив. М., 1897. Кн. 3. Вып. 9. С. 7–34.
- Муштафаров А. В. Дария // ПЭ. М., 2007. Т. 14. С. 199–201.
- Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992. 278, [1] с.
- Савелов Л. М. Страничка из истории Смутного времени: Царица Мария Петровна Шуйская // Русский архив. М., 1914. Кн. 1. Вып. 2. С. 222–235.
- Солодкин Я. Г. Летописец Московский // СККАР. СПб., 1993. Вып. 3. Ч. 2. С. 250–252.
- Стрельников С. В. Особенности редактирования вкладных и кормовых книг Ростовского Борисоглебского монастыря // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: редактор и текст. СПб., 2000. С. 305–322.
- Успенский Ф. Б., Успенский Ф. Б. Иноческие имена на Руси. М.; СПб., 2017. 344 с.
- Шмидт С. О. У истоков российского абсолютизма. Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1992. 493, [2] с.

References

- Bogdanov, A. P. Knyaz' Mikhail Vasil'evich Skopin-Shuiskii [Prince Mikhail Vasilyevich Skopin-Shuisky]. Moscow, 1998. 28, [2] p.
- Kargalov, V. V. Russkie vovody XVI–XVII vekov [Russian Voivodes of the 16th – 17th Centuries]. Moscow, 2002. 336 p.
- Kozlyakov, V. N. Vasilii Shuiskii [Vasily Shuisky]. Moscow, 2007. (Zhizn' zamechatel'nykh lyudei. Issue 1275 (1075)). 300, [1] p., [16] l. of il., portr.
- Litvina, A. F., Uspenskii, F. B. Manifestatsiya svyazi s pravnyashchim domom v zhenskikh imenakh: rannie Romanovy i sem'ya Dmitriya Godunova [The Relationship to the Ruling House, as Reflected in Female Personal Names (The Early Romanovs and Dmitry Godunov's Family)]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2018. No. 4 (74). Pp. 63–79. DOI 10.25986/IRI.2018.74.4.006 [Litvina, Uspenskii, 2018a]

- Litvina, A. F., Uspenskii, F. B. Monasheskoe imya i fenomen svetskoi khristianskoi dvouimennosti v doperetrovskoi Rusi [The Monastic Name and the Phenomenon of Secular Dual Christian Naming in Pre-Petrine Russia]. In *Srednevekovaya Rus'*. Moscow, 2018. Issue 13. Pp. 241–280. [Litvina, Uspenskii, 2018b]
- Litvina, A. F., Uspenskii, F. B. Ob imenakh tsaritsy Agaf'i Simeonovny Grushetskoi [About the Names of Tsarina Agafia Semyonovna Grushetskaya]. In *U istokov i istochnikov: Na mezhdunarodnykh i mezhdistsiplinarnykh putyakh. Yubileinyi sbornik v chest' Aleksandra Vasil'evicha Nazarenko*. Moscow, 2018. Pp. 292–303. [Litvina, Uspenskii, 2018v]
- Litvina, A. F., Uspenskii, F. B. Khristianskaya dvouimennost' na Rusi: Etapy evolyutsii [Dual Christian Naming in Rus: Stages of Evolution]. In *Die Welt der Slaven*. 2019. Jhrg. 64. Heft. 1. S. 108–127. [Litvina, Uspenskii, 2019a]
- Litvina, A. F., Uspenskii, F. B. Muzhskoe vs zhenskoe v kontekste svetskoi khristianskoi dvouimennosti na Rusi XVI–XVII vv. [Male vs Female in the Mirror of Russian Dual Christian Naming (16th – 17th Centuries)]. In *Slověne*. 2019. Vol. 8. No. 1. Pp. 133–161. DOI 10.31168/2305-6754.2019.8.1.5 [Litvina, Uspenskii, 2019b]
- Litvina, A. F., Uspenskii, F. B. K utochneniyu imen i dat v sem'e tsarya Fedora Ivanovicha [Names and Dates in the Family of Tsar Fedor Ivanovich]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2019. No. 1 (75). Pp. 61–66. DOI 10.25986/IRI.2019.75.1.0015 [Litvina, Uspenskii, 2019v]
- Litvina, A. F., Uspenskii, F. B. Dva imeni gosudarya (Potapii Maksimovich Matveev vnuk ili Vasilii Ivanovich Shuiskii) [Two Names of the Sovereign (Potapy Maksimovich Matveev Grandson or Vasily Ivanovich Shuisky)]. In *Anatomiya vlasti: gosudari i poddannye v Srednie veka i Novoe vremya*. Moscow, 2021. Pp. 120–134. DOI 10.17323/978-5-7598-2362-9120-134
- Litvina, A. F., Uspenskii, F. B. Godunov v krugu rodni. Biograficheskie razyskaniya [Godunov in the Circle of Relatives. Biographical Studies]. Saint Petersburg, 2022. 224 p. [Litvina, Uspenskii, 2022a]
- Litvina, A. F., Uspenskii, F. B. Braki tsarei Ivana i Petra Alekseevichei i russkaya mnogoimennost' na poroge Novogo vremeni [The Marriages of Tsars Ivan and Peter Alekseeviches and the Russian Polynaming on the Threshold of a New Time]. In *Die Welt der Slaven*. 2022. Jhrg. 67. Heft. 1. S. 68–90. DOI 10.13173/w5.67.1.068 [Litvina, Uspenskii, 2022b]
- Lobakova, I. A. Istoricheskie sobytiya i litsa v Zhitii Irinarkha Rostovskogo [Historical Events and Persons in the Life of Irinarch of Rostov]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Saint Petersburg, 2014. Vol. 62. Pp. 193–120.
- Lobakova, I. A. “Pitie ugotovano lyutoe...”: Iz kommentariya k “Pisaniyu o prestavlenii i o pogrebenii knyazya Mikhaila Vasil'evicha Shuiskogo, rekomogo Skopina” [“The Fierce Drink is Prepared...”: From the Commentary to the “Story on the Bemise and Burial of Prince Mikhail Vasilyevich Shuisky, Named Skopin”]. In *Istoriya i literatura v kontekste arkhografii*. Novosibirsk, 2022. Pp. 57–65.
- Martin, R. E. Nevesta dlya tsarya. Smotry nevest v kontekste politicheskoi kul'tury Moskovii XVI–XVII vekov [A Bride for the Tsar. Bride-Shows and Marriage Politics in Early Modern Russia]. Moscow, 2023. 408 p.
- Miloradovich, A. A. Tsaritsa Mariya Vladimirovna [Tsarina Maria Vladimirovna]. In *Russkii arkhiv*. Moscow, 1897. Book 3. Issue 9. Pp. 7–34.
- Mushtafarov A. V. Dariya [Daria]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, 2007. Vol. 14. Pp. 199–201.
- Pavlov, A. P. Gosudarev dvor i politicheskaya bor'ba pri Borise Godunove (1584–1605 gg.) [The Sovereign's Court and the Political Struggle under Boris Godunov (1584–1605)]. Saint Petersburg, 1992. 278, [1] p.
- Savelov, L. M. Stranichka iz istorii Smutnogo vremeni: Tsaritsa Mariya Petrovna Shuiskaya [A Page from the History of the Time of Troubles: Tsarina Maria Petrovna Shuisky]. In *Russkii arkhiv*. Moscow, 1914. Book 1. Issue 2. Pp. 222–235.
- Shmidt, S. O. U istokov rossiiskogo absolyutizma. Issledovanie sotsial'no-politicheskoi istorii vremeni Ivana Groznogo [At the Origins of Russian Absolutism. A Study of the Socio-Political History of the Time of Ivan the Terrible]. Moscow, 1992. 493, [2] p.
- Solodkin, Ya. G. Letopisets Moskovskii [The Moscow Chronicle]. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Saint Petersburg, 1993. Issue 3. Part 2. Pp. 250–252.
- Strel'nikov, S. V. Osobennosti redaktirovaniya vkladnykh i kormovykh knig Rostovskogo Borisoglebskogo monastyrja [Features of Editing the Contribution and Feed Books of the Rostov Borisoglebsky Monastery]. In *Opyty po istochnikovedeniyu. Drevnerusskaya knizhnost': redaktor i tekst*. Saint Petersburg, 2000. Pp. 305–322.

Uspenskii, B. A., Uspenskii, F. B. Inocheskie imena na Rusi [Monastic Names in Rus]. Moscow; Saint Petersburg, 2017. 344 p.

Veselovskii, S. B. Issledovaniya po istorii oprichniny [Research on the History of the Oprichnina]. Moscow, 1963. 539 p., 1 l. of portr.

Zabelin, I. E. Domashnii byt russkikh tsarits v XVI i XVII stoletiyakh [The Domestic Life of Russian Tsarinas in the 16th and 17th Centuries]. Saint Petersburg, 1869. 670 p.

Irina A. Lobakova

Institute of Russian Literature (Pushkinsky Dom) of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg

ON THE "CUSTOM" OF RENAMING OF ROYAL BRIDES AT THE END OF THE 16th – 17th CENTURIES

A study of the names of royal brides in the 17th century shows that there is neither enough data of the obligatory tradition of giving a new name to the maidens chosen by the Tsar as brides, of any single rule for choosing a name, nor a common explanation of the reason for the name change. It is revealed which of the chosen maidens was given a new name and which cannot be explained by the fact that the girl belonged to a not really high born family name. Some materials are presented and a number of explanations for the naming of royal brides are offered.

Keywords: naming of tsar's brides, problem of dual naming, Ivan the Terrible, Vasily Shuisky